

У-ю сидел, сжимая в руках больничные выписки и пакет с едой, и продолжал мысленно препираться с А-Цю.

— Я же говорил, что всё в порядке! Столько времени убили в больнице, бегая из кабинета в кабинет.

А-Цю отозвался:

— Бережёного бог бережёт. Провериться — лишним не будет, зато теперь на душе спокойно.

— В прошлый раз, когда я чуть не отдал концы, врачи тоже ничего не нашли, зато я выпил гору горьких отваров. Фу, до сих пор вкус во рту стоит!

Не дождавшись ответа от А-Цю, У-ю продолжил бормотать себе под нос:

— Вспомнил тут одну интернет-мудрость: западная медицина даёт тебе умереть с ясным пониманием причины, а восточная — жить в полном неведении. Ха-ха-ха.

А-Цю промолчал.

Наступила ночь. В доме стояла тишина, но У-ю ворочался в постели, не в силах сомкнуть глаз. Наконец он позвал А-Цю:

— А-Цю, мне так тошно. Магистр так сильно давит на психику, что стоит вспомнить — и слёзы наворачиваются. Самое больное — это Цзян Чэн. Его вечно понимают превратно, а он даже оправдываться не умеет. Кто бы ему помог? Ох, ещё один бессонный час в копилку.

На второй день бессонница усилилась. На третий — стала невыносимой. А спустя ещё N дней У-ю внезапно взорвался:

— Нет! А-Цю, я больше не могу! Это уже за гранью. Чтобы отвлечься, я пересмотрел аниме, и последняя сцена с Цзян Чэном... моё сердце просто разорвалось на части.

У-ю тяжело вздохнул:

— Я всё больше жалею Цзян Чэна. Он ведь добр душой и талантлив, но стал заложником своей семьи... А сколько читателей его поливают грязью! А-Цю, ну почему он вызывает столько боли? Ох, моё бедное сердечко!

Раздался усталый голос А-Цю:

— Перестань так волноваться. То одно болит, то другое...

У-ю пропустил замечание мимо ушей и продолжал хмуриться. Спустя некоторое время послышался долгий вздох, в котором чувствовалась то ли безнадёжность, то ли уступка:

— Ладно... хочешь последовать моде и отправиться в книгу?

У-ю тут же сел в постели и подозрительно прищурился:

— Ты, моё раздвоение личности, на такое способен?

А-Цю прорычал:

— Повторяю в последний раз: я не твоё раздвоение личности! — и добавил твёрдо: — Короче, идёшь помогать Цзян Ваньиню или нет?

— Иду! — выпалил У-ю, боясь, что собеседник передумает.

А-Цю скомандовал:

— Бери киноварь и жёлтую бумагу, я научу тебя рисовать талисман.

У-ю послушно достал принадлежности — они купили их по совету А-Цю давным-давно, хотя так ни разу и не опробовали. Когда талисман был готов, А-Цю проинструктировал:

— Сначала сделай так, потом вот так...

Подготовившись, У-ю лёг обратно:

— Слушай, а если мой разум отправится в мир Магистра, моё тело здесь не сгниёт? Мне страшно, вдруг черви заведутся...

А-Цю успокоил его:

— Не бойся, я присмотрю. Время в мирах течёт по-разному, я останусь здесь и буду охранять тебя. Но учти: там ты будешь сражаться в одиночку. Если погибнешь — вернёшься сюда, а всё, что успел изменить, обнулится. У тебя только одна попытка. Спаси тех, кто тебе дорог. И ещё: там у тебя будет врождённый талант к талисманам, распорядись им с умом.

Глаза У-ю засияли, он торжественно пообещал:

— Хорошо, не волнуйся, я пошёл!

— Помни, если что-то изменить невозможно — не пытайся прыгнуть выше головы. Ты не всемогущ, главное — выжить. Если погибнешь, то уже ничем не поможешь.

— Понял! — отозвался У-ю.

Его голос становился всё тише, пока вокруг не воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

...У-ю снова забормотал себе под нос:

— Ой, как-то жутко. А-Цю, ты надёжен? Мы что-то напутали?

В хаосе прозвучал его голос, но тут же растворился в пустоте. Не получив ответа, У-ю продолжил:

— Мамочки, надо было догадаться, что попасть в книгу не так-то просто. Я же не избранный, с чего бы моим желаниям исполняться?

Голос снова затих. Страх нарастал, У-ю задрожал:

— Неужели я навеки заперт в этом безмолвном хаосе? Мне так страшно... я один... погодите, откуда я вообще знаю, что это называется хаосом?

Пока он дрожал и причитал, раздалось сухое:

— Кхе-кхе.

К нему медленно приближался старец в древних одеждах, и вместе с ним в пустоту проникал свет.

Старец спросил:

— Это ты подал заявку на разделение потока в мир Магистра? Чью роль ты хочешь занять, чтобы открыть подпространство?

Он повёл руками, и в воздухе возник список имён. У-ю был ошарашен:

— Занять роль? Нет, я не хочу никого заменять! Я потому и страдаю, что люблю их, как я могу их вытеснить? Если я займу их место, разве это будет их счастье? Нет, не хочу!

Старец нахмурился:

— Тогда я создам для тебя отдельную сущность в этом мире...

У-ю засомневался:

— А это не создаст проблем? Кем я буду? Смогу ли точно помочь Цзян Чэну? Если нет, то не надо...

Старец в отчаянии схватился за голову:

— То не хочу, это не хочу... Ты же просто хочешь помочь Цзян Чэну, верно? Я понял, что делать. Жди.

Он взмахнул руками, и пространство сменилось. Перед глазами раскинулся кристально-синий мир, где небо сливалось с водой в дымке тумана. В центре стоял человек в фиолетовом, а перед ним — колонна с изящной нефритовой чашей, в которой мелькали видения. До У-ю донеслись обрывки фраз:

— Я твой дядя! Есть ли у тебя последние слова?.. Ты ведь обещал, что никогда не предашь клан Цзян...

Поняв, что показывают воспоминания Цзян Чэна, У-ю бросился к нему. Перед ним стоял тот самый человек: фиолетовое одеяние, черты лица изысканны, брови тонкие, глаза полны горечи, а на поясе позвякивает серебряный колокольчик с девятилепестковым лотосом. Ветер шевелил фиолетовые кисти на его поясе.

Сердце У-ю забилося в восторге:

— Ах! Мой Ваньинь! Моё девичье сердце просто тает! Ваньинь!

Он протянул руки, чтобы коснуться его, но Цзян Чэн слегка отстранился. У-ю не обиделся и улыбнулся во весь рот.

Цзян Чэн произнёс холодным тоном:

— Я пересмотрел всю свою жизнь. Первая ошибка — не смог примирить родителей. Вторая — вечно соревновался с Вэй Ином и проигрывал. Третья — не смог защитить тех, кто был мне дорог. Четвёртая...

У-ю, чьё сердце обливалось кровью, поспешно прервал его:

— Да что ты такое говоришь! Это неправда! Ты не такой!

У-ю всхлипнул:

— Не смей так говорить. Ты прекрасен, ты достоин самого лучшего в этом мире...

Цзян Чэн замер, а затем, словно освободившись от тяжкого груза, выдохнул:

— Спасибо. Я знаю, что ты пришёл прожить эту жизнь вместо меня. Я не слишком умён и не умею нравиться людям, надеюсь, ты...

У-ю решительно отрезал:

— Нет. Ты сам должен исполнить свои желания. Я здесь, чтобы помочь, а не чтобы убить тебя и занять твоё место. Перестань нести чушь.

У-ю воспарил над ним и, подобно Юй Цзыюань в своё время, обнял Цзян Чэна:

— Поверь мне, поверь в себя. Поверь, что ты достоин любви и того, чтобы кто-то просто хотел, чтобы тебе было хорошо.

Он мягко погладил Цзян Чэна по голове:

— Хороший мальчик.

От этих слов Цзян Чэн вздрогнул, словно его вернули в ту ночь, когда он навсегда попрощался с матерью. Её печальный взгляд и пылающая Пристань Лотоса за спиной стали его вечным кошмаром. Он хотел оттолкнуть того, кто его обнимал, но услышал тихий голос:

— Отныне я буду рядом. Ты больше не одинок. Ты — это я, я — это ты.

У-ю мысленно добавил: — Я помогу тебе добиться всего, чего ты хочешь. Ты замечательный человек, и я сделаю так, чтобы всё счастье мира вращалось вокруг тебя.

Цзян Чэн прошептал:

— Не смей нарушать клятву.

Его брови разгладились, и он провалился в глубокий сон. У-ю, глядя на спящего, подумал: — Ох, хорошо, что я немного приподнялся, а то был слишком высоко — чуть не промахнулся мимо головы.

<http://bllate.org/book/21513/2206482>